

МАРИЯ МАРЦЕВА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ТАИСИИ ЦВЕТКОВОЙ

БУХГАЛТЕРСКИЙ БАЛАНС

С ТРУПОМ В ПРИДАЧУ

БАЛАНС

68 790

150 300

120 500

75 900

200 400

84 600

85 100

Числа
не лгут,
а вот
люди
иногда!

ИРОНИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

УЧЁТ
И
КОНТРОЛЬ

На
чёрный
день

В главной роли:
кот Персик

Мария Марцева

Приключения Таисии Цветковой. Бухгалтерский баланс с трупом в придачу

<https://litres.ru/73993164>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тихий главбух Таисия Цветкова уверена: цифры не врут, а дебет должен сходиться с кредитом. Но однажды в квартальном отчёте она находит лишний ноль — и, как говорил её первый начальник, «лишний ноль в отчёте всегда чья-то могила». Из фирмы выведены миллионы, генеральный директор бесследно исчез, а единственная улика — золотая запонка, которую притащил домой рыжий кот-проныра Персик.

Так начинается смертельно опасное расследование, в которое тихая бухгалтерша ввязывается вместе со своим хвостатым напарником. Подслушанный разговор в кофейне, погоня на каблуках по торговому центру, ночной взломщик, теневая бухгалтерия в чужом сейфе и роковая встреча с убийцей в застрявшем лифте — Таисии предстоит распутать клубок, который не снился и матёрым сыщикам.

Уютный иронический детектив в духе лучших образцов жанра. Если ваш кот вдруг начал странно себя вести — присмотритесь. Возможно, он уже взял след преступника. Первая книга серии о приключениях Таисии Цветковой и кота Персика.

Содержание

Бухгалтерский баланс с трупом в придачу	5
Пролог	5
Глава 1. Лишний ноль в отчёте	9
Глава 2. Персик нашёл улику	17
Глава 3. Кофе с привкусом тайны	25
Глава 4. Соседка знает больше	34
Глава 5. Ночной визит	43
Глава 6. Двойная бухгалтерия	52
Глава 7. Погоня на каблуках	61
Глава 8. Кот под подозрением	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Мария Марцева Приключения Таисии Цветковой. Бухгалтерский баланс с трупом в придачу

Бухгалтерский баланс с трупом в придачу

Пролог

Кто-то умный однажды сказал: дебет с кредитом должны сходиться. Так вот, лично я, Таисия Петровна Цветкова, ставлю свою подпись под этим утверждением обеими руками. Цифры не врут. Цифры — это единственное, что в этом сумасшедшем мире остаётся честным до самого конца. Человек может улыбаться тебе в лицо, клясться в вечной дружбе, занимать денег и не отдавать, бросать в самый неподходящий момент и говорить, что «всё сложно». А цифры — нет. Цифры либо сходятся, либо не сходятся. И если они не сходятся, значит, кто-то соврал.

Меня этому научил мой первый начальник, Аркадий Семёнович, царствие ему небесное, человек желчный, въедливый и до невозможности порядочный. «Тасенька, — говорил он мне, тыкая прокуренным пальцем в монитор, — запомни на всю жизнь. Лишний ноль в отчёте — это не опечатка. Лишний ноль — это всегда чья-то могила. Иногда финансовая, а иногда, не приведи господи, и самая настоящая».

Тогда я смеялась. Мне было двадцать два года, я только-только окончила финансовый колледж, носила юбки чуть выше колена и верила, что бухгалтерия — это про порядок, тишину и горячий чай в обеденный перерыв. Я не понимала, насколько пророческими окажутся слова старого ворчуна. И уж тем более я не подозревала, что в свои тридцать два года буду сидеть на холодном полу офисного сейфового помещения, прижимая к груди рыжего кота, и думать о том, что вот сейчас, через минуту, меня, возможно, убьют.

Но обо всём по порядку. Меня зовут Таисия Петровна, для друзей — просто Тася. Я работаю главным бухгалтером в небольшой, но довольно успешной фирме «СтройГарант». Мне тридцать два года, я не замужем, что является вечной болью моей мамы и темой для бесконечных нравоучений. Я живу в обычной двухкомнатной квартире на пятом этаже панельного дома, и единственный мужчина, который безраздельно владеет моим сердцем, — это рыжий кот по имени Персик.

Персика я подобрала три года назад у мусорных баков.

Тогда это был тощий, облезлый, грязный комок шерсти с огромными зелёными глазищами и непропорционально большими ушами. Он сидел под дождём, дрожал и смотрел на меня так, будто заранее знал, что я не пройду мимо. Я и не прошла. Завернула его в шарф, притащила домой, отмыла, откормила — и вот теперь у меня живёт девять килограммов рыжей наглости, обладающей характером прусского генерала и интеллектом, которому позавидовали бы некоторые мои знакомые.

Персик не просто кот. Персик — это явление природы. Он открывает лапой холодильник, прячет мои ключи в самые невероятные места, безошибочно определяет, когда я расстроена, и в такие минуты ложится мне на колени и начинает урчать так громко, что дребезжат стёкла. А ещё у него есть одна особенность, которая в итоге и втянула нас обоих в эту жуткую историю. Персик — собиратель. Он тащит в дом всё, что плохо лежит. Болтики, пуговицы, фантики, чужие перчатки, оброненные кем-то монеты. Я уж и не знаю, где он всё это находит, но его тайник под диваном напоминает лавку старьевщика.

И вот однажды, в самый обычный, ничем не примечательный вторник, всё началось. Я сидела на работе, пила свой третий кофе и сводила квартальный отчёт. Всё шло как обычно — цифры послушно выстраивались в ряд, дебет любезно кланялся кредиту, и ничто не предвещало беды. А потом мой взгляд зацепился за одну строчку. Малень-

кую, неприметную, затёртую среди десятков других. И в этой строчке был лишний ноль.

Я тогда ещё не знала, что слова Аркадия Семёновича вот-вот сбудутся. Что этот лишний ноль приведёт меня к исчезнувшему директору, к запонке с гравировкой, к подслушанному разговору в кофейне, к ночному визитёру, к погоне на каблуках по торговому центру и, наконец, к тому самому застрявшему лифту, где я останусь один на один с убийцей.

Но всё это будет потом. А пока — позвольте рассказать вам всё с самого начала. С того самого вторника, когда баланс ещё сходился, кот мирно дремал дома на батарее, а я даже представить не могла, во что превратится моя тихая бухгалтерская жизнь.

Устраивайтесь поудобнее. Налейте себе чаю. И помните главное правило: лишний ноль в отчёте — это всегда чья-то могила.

Поехали.

Глава 1. Лишний ноль в отчёте

Утро вторника началось с того, что Персик столкнул с подоконника горшок с геранью. Не со зла, а исключительно из любви к искусству — рыжий просто наблюдал за голубем на карнизе и в творческом порыве смахнул хвостом несчастный цветок. Я вылетела из ванной с зубной щёткой во рту, увидела рассыпанную по полу землю, осколки горшка и абсолютно невозмутимую морду своего питомца, который сидел на подоконнике с видом оскорблённой невинности.

— Персик, — простонала я, — ну за что мне это наказание?

Кот зевнул, демонстрируя розовый язык и внушительные клыки, потянулся всем своим девятикилограммовым телом и спрыгнул на пол прямо в кучу земли. После чего, оставляя за собой грязные следы, гордо прошествовал на кухню, к миске. Дескать, я тут устроил тебе развлечение с утра пораньше, а теперь будь любезна, накорми героя.

Я подмела землю, накормила наглеца премиальным кормом с лососем, проглотила бутерброд, влезла в строгий серый костюм и помчалась на работу. Опаздывать я не люблю. Опаздывать — это как не сводить баланс: вроде мелочь, а душа потом не на месте.

Наша фирма «СтройГарант» занимала второй и третий этажи в неприметном бизнес-центре на окраине. Снаружи

здание выглядело солидно — стекло, бетон, важная вывеска. Внутри же царил обычный офисный бардак: гудели принтеры, секретарша Леночка красила ногти, изображая бурную деятельность, а из кабинета коммерческого директора, Виктора Павловича Гущина, доносился запах дорогого кофе и ещё более дорогого одеколona.

Я устроилась за своим столом, включила компьютер, поставила рядом кружку с надписью «Главный по цифрам» — подарок коллег на прошлый день рождения — и погрузилась в квартальный отчёт. Работа спорилась. Цифры послушно строились в колонки, итоги сходились, и я уже предвкушала, как сдам всё в срок и вечером с чистой совестью заваюсь на диван к Персику смотреть очередной детектив.

И вот тут-то оно и случилось.

Я проверяла счета по контрагенту ООО «Вектор-М» — фирме, которая поставляла нам какие-то строительные материалы. Обычная рутина. И вдруг мой взгляд зацепился за сумму. Платёж за партию цемента. Триста двадцать тысяч рублей. Только вот в платёжке стояло три миллиона двести тысяч. Лишний ноль.

Я моргнула. Протёрла глаза. Снова уставилась в экран. Нет, не показалось. Три миллиона двести тысяч рублей ушли некоему «Вектору-М» за партию цемента, которая по всем накладным стоила в десять раз дешевле.

— Чудеса, — пробормотала я.

Где-то в глубине души, в том самом отделе, что отвечает

за здоровый смысл, тоненько и противно звякнул колокольчик тревоги. Голосом покойного Аркадия Семёновича он прошелестел: «Лишний ноль — это всегда чья-то могила, Та-сенька».

Я отмахнулась от мрачной мысли. Опечатка, наверняка просто опечатка. Кто-то из менеджеров лишний раз нажал на цифру. Бывает. Я подняла историю платежей по «Вектору-М» — и вот тут улыбка медленно сползла с моего лица.

Платежей было много. Очень много. И все — с подозрительно круглыми, подозрительно большими суммами. За полгода на счета этой загадочной фирмы ушло почти двадцать миллионов рублей. За цемент, за песок, за какую-то арматуру. Только вот складские накладные говорили совсем другое. Цемент к нам поступило от силы на два миллиона. Остальные восемнадцать растворились в воздухе.

— Ничего себе цементик, — прошептала я, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

Я открыла карточку контрагента, чтобы посмотреть, кто вообще такой этот «Вектор-М». ИНН, юридический адрес, банковские реквизиты. Адрес я вбила в поисковик — и присвистнула. По указанному адресу располагался не склад и не офис, а старая котельная на задворках промзоны. Я знала это место. Туда мы с девчонками когда-то ходили смотреть на заброшенные граффити.

Фирма-однодневка. Классическая обналочка. Кто-то под видом оплаты за стройматериалы выводил из «СтройГаран-

та» миллионы и обналичивал их через подставную контору. И этот «кто-то» имел доступ к платёжкам, печатям и подписям.

Я откинулась на спинку кресла. Сердце колотилось. В бухгалтерии я работаю одиннадцать лет и подобные схемы видела только в страшных снах и в новостях про арестованных коллег. А тут — вот оно, прямо у меня под носом, в моей родной фирме.

Платёжки подписывал директор. Наш генеральный, Борис Михайлович Стрельников. Высокий, статный мужчина пятидесяти лет, с седыми висками и манерами английского лорда. Он всегда здоровался со мной за руку, помнил, как зовут моего кота, и однажды даже принёс мне коробку шоколадных конфет на Восьмое марта. Неужели Борис Михайлович?

Я решительно встала и направилась в его кабинет. В конце концов, моя обязанность — доложить о найденных нарушениях. Может, всему есть разумное объяснение. Может, я чего-то не понимаю.

Но кабинет директора оказался заперт. Я подёргала ручку, постучала. Тишина.

— Леночка, — обратилась я к секретарше, — а где Борис Михайлович?

Леночка оторвалась от своих ногтей и посмотрела на меня большими, подведёнными глазами.

— Так нету его, Таисия Петровна. Третий день нету.

— Как нету? — опешила я.

— А вот так. В пятницу ушёл вечером — и всё. Телефон выключен, на звонки не отвечает. Виктор Павлович говорит, мол, в командировку срочно уехал, в Москву, по делам. Но как-то странно — даже не предупредил никого.

В пятницу. А последний подозрительный платёж «Вектору-М» ушёл как раз в пятницу днём. Я почувствовала, как у меня холодеют пальцы.

— А Виктор Павлович у себя?

— У себя, только просил не беспокоить, — Леночка понизила голос. — Он сегодня какой-то нервный. С утра по телефону орал на кого-то, аж дверь дрожала.

Я кивнула и вернулась к своему столу, но работать уже не могла. Мысли крутились в голове, как цифры в неудачном балансе — никак не желали складываться в стройную картину. Директор исчез. Из фирмы выведено двадцать миллионов. Коммерческий директор нервничает и говорит про какую-то срочную командировку, в которую Борис Михайлович уехал, никого не предупредив.

Я ещё раз открыла платёжки и решила распечатать самые подозрительные — на всякий случай. Принтер зажужжал, выплёвывая листы. Я схватила их, сложила и сунула в свою сумку. Сама не знаю зачем. Наверное, сработал тот самый бухгалтерский инстинкт: если цифры не сходятся, нужно сохранить доказательства.

В этот момент дверь кабинета Гущина распахнулась, и сам

Виктор Павлович вышел в общий зал. Лицо красное, галстук ослаблен, на лбу испарина. Увидев меня, он почему-то вздрогнул.

— Таисия Петровна! — голос его прозвучал неестественно бодро. — А вы что задержались? Рабочий день вроде закончился.

Я машинально посмотрела на часы и удивилась — действительно, стрелки показывали почти семь вечера. Я и не заметила, как пролетело время за этими проклятыми платёжками.

— Да вот, отчёт довожу до ума, — сказала я как можно спокойнее. — Виктор Павлович, а вы не знаете, когда Борис Михайлович вернётся? У меня к нему вопрос по «Вектору-М»...

Я специально назвала эту фирму. И увидела, как Гуцин едва заметно дёрнулся. Совсем чуть-чуть, но я заметила. Меня не проведёшь — я одиннадцать лет читаю людей по цифрам и по лицам.

— По какому ещё «Вектору»? — натянуто улыбнулся он. — Не забивайте себе голову, Таисия Петровна. Борис Михайлович в командировке, вернётся — разберётесь. А вы идите домой, отдыхайте. Поздно уже.

В его голосе появились стальные нотки. Я кивнула, быстро собралась, выключила компьютер и направилась к выходу, чувствуя спиной его тяжёлый взгляд.

На улице уже стемнело. Моросил мелкий противный

дождь. Я шла к автобусной остановке и не могла отделаться от ощущения, что только что наступила на хвост чему-то очень опасному. Двадцать миллионов. Исчезнувший директор. Нервный коммерческий, который чуть не подпрыгнул при слове «Вектор».

В автобусе я достала телефон и попыталась найти что-нибудь про Бориса Михайловича в новостях. Ничего. Зато наткнулась на старую статью трёхлетней давности про какую-то обанкротившуюся строительную фирму, из которой так же таинственно вывели деньги, а её директор бесследно пропал. Совпадение? В совпадения я не верю. Дебет с кредитом не сходится случайно.

Домой я добралась вымотанная и насквозь промокшая. Едва открыла дверь, как мне под ноги бросился Персик — встрёпанный, с прижатыми ушами и круглыми от возбуждения глазами. Он мяукал так, будто за время моего отсутствия в квартире случилось как минимум землетрясение.

— Что, проголодался, рыжий разбойник? — я погладила его по голове.

Но Персик не повёл меня на кухню, как обычно. Вместо этого он метнулся в комнату, к дивану, нырнул под него и принялся там копошиться, недовольно урча. Я устало стянула промокшие туфли.

— Персик, что ты там опять прячешь? Снова чью-то пуговицу притащил?

Кот выбрался из-под дивана, держа что-то в зубах, важно

подошёл ко мне и положил свою добычу прямо на мою мокрую туфлю. После чего сел рядом и уставился на меня выжидающе, мол, оцени, хозяйка, какой я молодец.

Я наклонилась, чтобы рассмотреть подношение. И замерла.

На моей туфле лежала запонка. Дорогая, явно из чистого золота, с маленьким тёмным камнем посередине. А на обратной стороне поблёскивала тонкая гравировка.

Я поднесла её к свету и прочитала две буквы.

«Б. С.»

Борис Стрельников.

Запонка нашего исчезнувшего директора лежала у меня на ладони. Вот только откуда, скажите на милость, мой кот, который весь день безвылазно сидел дома, мог её притащить?

Персик мяукнул и посмотрел на меня так, будто хотел сказать: «Ну вот, я начал. А дальше уже твоя работа, хозяйка».

Глава 2. Персик нашёл улику

Я стояла посреди прихожей, держала на ладони золотую запонку с гравировкой «Б. С.» и чувствовала себя так, будто меня окатили ледяной водой. Усталость как рукой сняло. Мозг лихорадочно прокручивал один и тот же вопрос: откуда? Откуда в моей квартире, на пятом этаже панельной девятиэтажки, взялась запонка Бориса Михайловича Стрельникова?

Персик сидел у моих ног, обвив лапы хвостом, и смотрел на меня снизу вверх с непередаваемым выражением. На кошачьей морде читалась смесь гордости и нетерпения. Так смотрит студент, который притащил преподавателю не просто реферат, а готовую диссертацию, и теперь ждёт законной пятёрки.

— Так, рыжий, — сказала я, опускаясь перед ним на корточки. — Давай-ка разберёмся. Откуда у тебя это?

Персик мяукнул и снова нырнул под диван. Я опустилась на колени и заглянула в его сокровищницу. Зрелище, надо сказать, было впечатляющее. За три года кот натаскал туда целую коллекцию: две пуговицы, винную пробку, колпачок от ручки, чей-то ключ, три монеты, скомканную обёртку от шоколадки и — я замерла — белый прямоугольник плотной бумаги.

Я вытащила его. Это была визитка. Дорогая, на хорошем

картоне, с тиснением. «Стрельников Борис Михайлович, генеральный директор ООО „СтройГарант“». Внизу — мобильный телефон.

Сердце ёкнуло. Запонка, визитка... Всё это принадлежало нашему исчезнувшему директору. Но как, во имя всех квартальных отчётов, эти вещи оказались у моего кота?!

И тут меня осенило. Я вспомнила. Дней пять назад, в прошлый четверг, ко мне домой приходил курьер. Привозил документы на подпись — Борис Михайлович тогда просил меня заверить какие-то бумаги, ссылаясь на то, что сам очень занят. Курьер был незнакомый, молодой парень в чёрной куртке, я ещё подумала, что он какой-то дёрганый. Он зашёл в прихожую, я расписалась, а Персик, помнится, крутился у его ног, обнюхивал ботинки и сумку.

Сумку! У курьера была через плечо большая сумка, и она была расстёгнута. А мой кот — известный воришка-карманник. Видимо, пока я листала документы и ставила подписи, Персик незаметно стянул из открытой сумки и запонку, и визитку, утащил их под диван и притаился до поры до времени.

Но что вещи Стрельникова делали в сумке курьера? Если директор уехал в командировку в пятницу, то почему его личные вещи — запонка, которую обычно носят на манжете рубашки, — ещё в четверг катались по городу в чужой сумке?

— Персик, — прошептала я, — кажется, ты притащил в

дом улику.

Кот гордо муркнул, словно прекрасно понимал, о чём речь.

Я села прямо на пол, прислонившись спиной к дивану, и попыталась собрать всё в единую картину. Получалось скверно. Двадцать миллионов, выведенных через фирму-однодневку. Директор, который якобы уехал в командировку, но при этом его личные вещи ещё за день до этого болтались у какого-то курьера. Нервный Гушин, дёрнувшийся при слове «Вектор». И эта старая статья про пропавшего директора другой фирмы.

Чем больше я думала, тем меньше мне нравилась мысль про командировку. Командировка — это удобное объяснение. Слишком удобное. Так говорят, когда человек просто исчез и нужно как-то затыкать рот любопытным.

Я взяла визитку и набрала номер Стрельникова. Долгие гудки. Раз, второй, третий... А потом механический женский голос сообщил, что абонент недоступен. Я попробовала ещё раз — тот же результат.

Персик вспрыгнул мне на колени, потоптался, устраиваясь поудобнее, и заурчал. Я машинально гладила его густую рыжую шерсть, а в голове крутились мрачные мысли. Что, если Борис Михайлович никуда не уезжал? Что, если с ним что-то случилось? Что, если деньги вывел вовсе не он, а кто-то другой, прикрываясь его подписью, а потом убрал директора, чтобы свалить всё на исчезнувшего?

«Лишний ноль — это всегда чья-то могила, Тасенька».

Я поёжилась. Голос Аркадия Семёновича звучал в голове так отчётливо, будто старик стоял рядом.

Нужно было что-то делать. Но что? Идти в полицию? С чем? С запонкой, которую притащил кот, и с распечатками платёжек, которые я, между прочим, вынесла из офиса без разрешения? Меня же первую и заподозрят — главный бухгалтер, имеющий доступ ко всем счетам. Скажут: сама всё провернула, а теперь концы заметаешь, на начальство стрелки переводишь.

Нет. Сначала нужно собрать побольше фактов. Понять, кто за этим стоит. А уж потом, с готовыми доказательствами, идти к следователю.

Я аккуратно завернула запонку и визитку в чистый платок и убрала в верхний ящик комода, под стопку постельного белья. Распечатки платёжек спрятала туда же. После чего заварила себе крепкого чая, сделала пару бутербродов с сыром — один, конечно, тут же реквизирует Персик — и устроилась за кухонным столом с ноутбуком.

Первым делом я снова открыла ту старую статью. «Три года назад из строительной компании „ГрандМонолит“ были выведены десятки миллионов рублей через сеть фирм-однодневок. Генеральный директор Аркадий Воронов бесследно исчез, расследование зашло в тупик». Я вчиталась внимательно. И вот тут у меня волосы зашевелились на затылке.

В статье упоминался коммерческий директор «ГрандМо-

нолита» — некий Виктор П. Гуцин, который после краха фирмы благополучно устроился в другую компанию и вообще остался ни при чём.

Виктор Павлович Гуцин. Наш коммерческий директор.

Я перечитала абзац три раза, чтобы убедиться, что не ошиблась. Нет. Всё верно. Тот же человек. Три года назад он работал в фирме, из которой вывели деньги, и директор которой пропал. А теперь та же история повторялась в «Строй-Гаранте». Двадцать миллионов через однодневку. Исчезнувший Борис Михайлович. И Гуцин — снова в стороне, снова чистенький, снова с готовым объяснением про командировку.

Это не могло быть совпадением. Дебет с кредитом не сходятся случайно дважды.

— Персик, — позвала я дрожащим голосом, — кажется, я знаю, кто наш злодей.

Кот, доевший бутерброд, запрыгнул на стол, уставился в экран ноутбука и вдруг хлопнул лапой прямо по фотографии Гуцина, которую я успела найти в интернете. Хлопнул точно, с размаху, будто ставил печать. Я даже вздрогнула.

— И ты так считаешь? — нервно усмехнулась я. — Вот и я о том же.

Но одно дело — догадываться, и совсем другое — доказать. У меня на руках были только косвенные улики. Старая статья, дёрнувшийся при слове «Вектор» Гуцин, запонка директора в сумке курьера. Этого мало. Гуцин — чело-

век хитрый, осторожный, дважды проворачивавший подобное и оба раза выходявший сухим из воды. Голыми руками такого не возьмёшь.

Нужны были доказательства. Документы. Что-то, что напрямую связало бы Гущина с фирмой «Вектор-М» и выведенными деньгами. И я уже примерно представляла, где их искать. В офисе, в сейфе. Только не в том сейфе, где хранились официальные документы, к которому у меня был доступ, а где-то ещё. У такого аккуратиста, как Гущин, наверняка должна быть припрятана и вторая, теневая бухгалтерия. Без неё в таких схемах никак — нужно же где-то вести учёт реальных потоков.

Я закрыла ноутбук и потёрла виски. План постепенно вырисовывался, но от него у меня заранее холодело в животе. Лезть в офис, рыться в чужих сейфах, искать компромат на человека, который, судя по всему, уже один раз заставил исчезнуть неугодного директора... Брр. Не о такой жизни я мечтала, заканчивая финансовый колледж.

Зазвонил телефон, и я подскочила на стуле так, что Персик возмущённо мяукнул. На экране высветился незнакомый номер. Я колебалась пару секунд, потом всё же ответила.

— Алло?

В трубке несколько мгновений было тихо. Только чьё-то дыхание. А потом мужской голос, низкий и неприятный, медленно произнёс:

— Таисия Петровна, я бы на вашем месте не лез не в своё дело. Цифры, знаете ли, иногда лучше оставлять как есть. Целее будете.

И гудки.

Я застыла с телефоном в руке. Сердце колотилось где-то в горле. Значит, они уже знают. Знают, что я нашла платёжки и задаю вопросы. Гушин понял это ещё в офисе, по моему лицу, по этому неосторожному вопросу про «Вектор». И теперь меня предупреждали. По-хорошему. Пока ещё по-хорошему.

Персик, почуяв моё состояние, прижался к моей ноге и тихо, утробно заворчал, глядя на входную дверь. Шерсть у него на загривке встала дыбом.

— Не бойся, рыжий, — прошептала я, хотя у самой зуб на зуб не попадал. — Мы с тобой им так просто не дадимся.

Я встала, проверила, заперта ли дверь на оба замка, накинула цепочку и для верности подпёрла ручку стулом. Потом вернулась на кухню, налила себе ещё чаю — руки тряслись, и я расплескала половину на стол.

Угроза не напугала меня. То есть напугала, конечно, до дрожи в коленках. Но вместе со страхом во мне поднялось и другое чувство — упрямое, злое, бухгалтерское. Меня, Таисию Петровну Цветкову, которая одиннадцать лет честно сводила баланс, какие-то жулики смеют запугивать по телефону? Свели человека в могилу, украли двадцать миллионов, а теперь ещё и угрожают?

Нет уж. Дудки. Я этого так не оставлю.

Я посмотрела на запонку, спрятанную в комод, на ноутбук с фотографией Гущина, на своего рыжего сообщника, который уже взял след.

— Завтра, Персик, — сказала я твёрдо. — Завтра мы начнём копать по-настоящему. А пока — спать. Детективу нужен крепкий сон и ясная голова.

Кот согласно муркнул и потёрся о мою лодыжку. За окном по-прежнему моросил дождь, где-то в темноте города прятался убийца, а я, обычный бухгалтер, неожиданно для самой себя ввязалась в расследование, которое могло стоить мне жизни.

Но отступить было уже поздно. Лишний ноль был найден. А значит, кто-то должен был ответить за могилу.

Глава 3. Кофе с привкусом тайны

Ночь я провела отвратительно. Ворочалась, прислушивалась к каждому шороху за дверью, вскакивала от малейшего скрипа. Персик, надо отдать ему должное, нёс караул как настоящий боец — устроился на коврике у входа и время от времени поднимал голову, поводя ушами. Один раз он зашипел на дверь, и я чуть не умерла от страха, но оказалось, что это просто соседи сверху уронили что-то тяжёлое.

К утру я была разбитой, как старый калькулятор, но твёрдо решила: сегодня иду на работу как ни в чём не бывало. Главное — не подавать виду, что я что-то знаю. Веди себя естественно, Тася, говорила я себе, размазывая по бутерброду масло дрожащей рукой. Ты обычный главбух, который ничего не заметил. Скучный, безобидный, занятый своими цифрами.

Персик с сомнением наблюдал за моими сборами, сидя на табуретке. В его зелёных глазах читался скепсис. Дескать, актриса из тебя, хозяйка, как из меня балерина.

— Не каркай, — буркнула я ему. — Прорвёмся.

Перед работой я по привычке завернула в свою любимую кофейню. Маленькое уютное заведение «Зёрнышко» на углу, в двух кварталах от офиса. Я хожу туда уже три года, бариста Дашенька знает мой заказ наизусть — большой капучино с корицей и миндальный круассан. В то утро мне осо-

бенно нужна была доза кофеина, чтобы хоть как-то взбудорить измученный мозг.

В кофейне было тихо. Утренний наплыв уже схлынул, до обеда оставалось ещё далеко. Я взяла свой капучино, устроилась в дальнем углу за высоким растением в кадке — обожаю это место, тут уютно и никто не мешает — и достала телефон, делая вид, что листаю ленту. На самом деле я обдумывала, как подобраться к сейфу Гущина.

И вот тут судьба — или, может, чутьё моего рыжего напарника передалось мне по наследству — преподнесла подарок.

В кофейню вошли двое мужчин. Я бы и внимания на них не обратила, если бы один из них не был мне до боли знаком. Виктор Павлович Гущин собственной персоной. В дорогом сером пальто, с зонтом-тростью, лощёный и важный. А рядом с ним — высокий тип лет сорока, в чёрной куртке, с короткой стрижкой и каким-то неприятным, цепким взглядом. Я инстинктивно вжалась в кресло и спряталась за листьями фикуса.

Они не заметили меня — растение надёжно укрывало мой угол. Взяли два эспрессо и сели за соседний столик, спиной ко мне. Между нами была только кадка с фикусом. Я замерла, боясь даже дышать, и вся обратилась в слух.

— ...я же тебе говорил, всё чисто, — раздражённо цедил Гущин. — Не надо было так грубо с Борисом. Можно было по-тихому.

У меня внутри всё похолодело. «С Борисом». Они говорили о Стрельникове.

— По-тихому он начал бы в полицию бегать, — отозвался второй, тот, что в куртке. Голос у него был низкий, неприятный. И — я узнала его мгновенно — именно этот голос звонил мне вчера вечером. «Целее будете». — Он же уже копать начал. Спросил, куда деньги по «Вектору» уходят. Что мне оставалось?

Капучино в моей чашке, кажется, заledenел. Я сидела, боясь шелохнуться, и слушала, как двое мужчин буднично обсуждают судьбу моего исчезнувшего директора.

— Ладно, что сделано, то сделано, — Гущин понизил голос, но я всё равно слышала каждое слово. — Главное теперь — концы. Деньги через «Вектор» обналичили, фирму закрываем на той неделе. Вторую папку надо убрать из сейфа, она там как бомба лежит. Если кто доберётся — нам обоим конец.

Вторая папка. В сейфе. Я мысленно поставила галочку. Значит, я была права — теневая бухгалтерия существует, и хранится она в офисе.

— А с бухгалтершей что? — спросил тип в куртке, и я едва не подавилась воздухом. — Цветкова твоя слишком умная. Вчера про «Вектор» спрашивала. Я ей звякнул, попугал малость, но такие, знаешь, упёртые. Может, тоже... того?

Повисла пауза. Долгая, тягучая пауза, во время которой я отчётливо слышала, как колотится моё собственное сердце.

Мне казалось, оно стучит на всю кофейню.

— Не пори горячку, — наконец произнёс Гуцин. — Один пропавший директор — это ещё бывает. А пропавший директор плюс пропавшая бухгалтерша — это уже статья и следственная группа. Сначала проверь, что она знает. Если просто баба любопытная — припугнём, уволим, подбросим что-нибудь в её отчёты, чтобы сама в тюрьму загремела за растрату. А если копает серьёзно... тогда решим.

— Понял, — буркнул его собеседник. — Прослежу за ней.

Я сидела ни жива ни мертва. Вот, значит, как. Они уже обсуждают, убивать меня или сначала посадить. Очень мило. Просто очаровательно. Никогда ещё мой утренний капучино не имел такого отвратительного привкуса — привкуса настоящего, неподдельного страха.

Мне нужно было уходить. Немедленно. Пока они не обернулись, пока не закончили свой жуткий разговор и не направились к выходу, столкнувшись со мной нос к носу. Но как уйти незамеченной? Они сидели между мной и дверью.

Я лихорадочно соображала. Если резко встать и пойти к выходу, они увидят меня в профиль и могут узнать. Нужен был отвлекающий манёвр. И тут, словно в насмешку, мой собственный телефон, который я забыла перевести в беззвучный режим, начал звонить. Громко. Заливисто. На всю тихую кофейню.

Я чуть не уронила чашку. Гуцин и его подельник за соседним столиком на секунду замолчали. Дрожащими паль-

цами я выхватила телефон из сумки. Звонила мама. Господи, мама, ну надо же было именно сейчас! Я сбросила вызов и перевела телефон в беззвучный режим, обливаясь холодным потом.

— Глянь, кто там, — тихо сказал Гушин.

Сердце у меня ухнуло в пятки. Сейчас тип в куртке встанет, обойдёт фикус и увидит меня. И всё. Конец. Они поймут, что я всё слышала.

Я действовала на инстинктах. Схватила со стола салфетку, прижала к лицу, будто вытираю нос, низко наклонила голову, нацепила капюшон плаща — благо на улице моросило и капюшон не выглядел подозрительно — и быстрым шагом, почти бегом, ринулась к выходу. Не оборачиваясь. Сердце колотилось так, что я не слышала ничего, кроме его грохота.

Тип в куртке как раз привстал. Я кожей чувствовала его взгляд на своей спине. Толкнула стеклянную дверь, выскочила на улицу, под спасительный дождь, и нырнула за угол. Прижалась спиной к холодной стене дома, хватая ртом воздух.

Прошла минута. Две. Никто не выбежал за мной следом. Кажется, пронесло. Капюшон, опущенная голова и салфетка сделали своё дело — он меня не узнал. Или узнал, но решил не поднимать шум посреди людной улицы.

Я перевела дух и быстро зашагала прочь от кофейни, петляя по дворам, постоянно оглядываясь. Только отойдя кварталов на пять, я остановилась и привалилась к какому-то за-

бору. Ноги дрожали, как студень.

Итак, что я теперь знала наверняка. Первое: Борис Михайлович Стрельников мёртв. Они его убили — «не надо было так грубо», сказал Гуцин. Никакая это не командировка. Бедный Борис Михайлович лежит где-то холодный, а его подпись использовали, чтобы вывести двадцать миллионов. Второе: Гуцин и его поделец в куртке — те самые курьер или нанятый бандит, не суть — организовали всю схему. Третье: компромат, та самая теневая бухгалтерия, лежит в сейфе в офисе. И они собираются убрать её на следующей неделе. Четвёртое, и самое неприятное: за мной теперь следят, и моя жизнь висит на волоске.

Я достала телефон. Первым побуждением было немедленно набрать 02 и всё рассказать. Но я тут же осеклась. И что я скажу? «Здравствуйте, я подслушала в кофейне, как два дядьки говорили про какого-то Бориса»? У меня нет ни одной записи, ни одного свидетеля. Они всё будут отрицать. Гуцин — солидный человек, коммерческий директор, а я — взвинченная бухгалтерша с буйной фантазией. Меня поднимут на смех. А Гуцин, узнав, что я бегала в полицию, точно решит меня «убрать», не дожидаясь, пока я «накопаю серьёзно».

Нет. Нужны доказательства. Та самая вторая папка из сейфа. Без неё я никто и звать меня никак.

Я перезвонила маме — она хотела узнать, приду ли я в воскресенье на пироги, — наврала, что страшно занята, и

пообещала перезвонить. Голос у меня дрожал, и мама, конечно, заметила.

— Тасенька, у тебя всё хорошо? Ты какая-то сама не своя.

— Всё прекрасно, мамуль, — соврала я бодро. — Просто на работе завал, отчёты горят. Целую, побежала.

Врать маме было стыдно, но втягивать её в эту историю я не собиралась ни за что на свете.

До офиса я добралась окольными путями, опоздав на полчаса, чего со мной отродясь не случалось. Леночка вскинула на меня удивлённые глаза.

— Таисия Петровна, на вас лица нет! Заболели?

— Голова разболелась, — пробормотала я, стараясь не встречаться с ней взглядом. — Сейчас выпью таблетку, пройдёт.

Я доползла до своего стола, рухнула в кресло и уставилась на монитор невидящим взглядом. Гущина в офисе ещё не было — видимо, остался допивать свой кофе с подельником и строить планы по моему устранению. И это давало мне фору.

Сейф. Мне нужно было добраться до сейфа. Я знала, где он находится — в отдельной комнатухе за кабинетом Гущина, маленькое помещение без окон, где хранились договоры, печати и наличность. У меня был туда доступ как у главбуха, но открыть сам сейф я не могла — код знали только Гуцин и покойный Стрельников.

И тут меня осенило. Я снова полезла в воспоминания о

вчерашнем. Когда я уходила, Гушин стоял растрёпанный, нервный. А Леночка говорила, что он с утра орал по телефону. Что, если в спешке, в панике, он где-то записал код? Такие самоуверенные типы часто бывают неаккуратны в мелочах. Они думают, что неуязвимы.

— Леночка, — небрежно спросила я, — а Виктор Павлович сегодня будет?

— Обещал к обеду. У него с утра встреча какая-то. Встреча. Ага. Знаю я эту встречу, в кофейне «Зёрнышко». Значит, у меня есть несколько часов. Несколько драгоценных часов, пока убийца моего директора пьёт эспрессо и обдумывает, как избавиться от меня. Я должна попасть в сейфовую комнату. Должна найти эту папку. Это мой единственный шанс — и спастись самой, и отомстить за бедного Бориса Михайловича.

Я посмотрела на часы. Половина одиннадцатого. Сердце снова заколотилось, но уже не от страха, а от решимости. Достала из сумки телефон, открыла переписку с подругой Светкой, которая работала в полиции делопроизводителем, и быстро набрала: «Свет, если со мной что-то случится — ищи папку в сейфе „СтройГаранта“ и проверь Гушина. Объясню потом». Палец завис над кнопкой «отправить».

Подумала — и стёрла. Рано. Сначала добуду доказательства, потом буду сеять панику.

Вместо этого я написала другое сообщение — самой себе, на электронную почту, подробно изложив всё, что услы-

шала в кофейне. Дату, время, имена, каждое слово, какое запомнила. Если что-то пойдёт не так, пусть останется хоть какой-то след. Пусть останется чёрным по белому: дебет с кредитом не сошёлся, и виноват в этом Виктор Павлович Гущин.

А дома меня ждал Персик — мой рыжий напарник, который, сам того не ведая, втянул меня в эту смертельную историю. И который, я была уверена, ещё не раз меня удивит.

Я глубоко вдохнула, расправила плечи и встала из-за стола. Пора было нанести визит в сейфовую комнату. Но сначала — заглянуть в кабинет Гущина и поискать тот самый код. Время пошло.

Глава 4. Соседка знает больше

В кабинет Гущина я так и не попала — едва я поднялась из-за стола, как в офис ввалилась шумная компания из налоговой инспекции с внеплановой проверкой, и весь мой план рассыпался, как карточный домик. Гущин, явившийся к обеду, метался по коридору, рассыпался в любезностях перед проверяющими, и о том, чтобы тихонько прошмыгнуть в сейфовую комнату, не могло быть и речи. Я просидела на работе до вечера как на иголках, изображая бурную деятельность, а сама исподтишка наблюдала за коммерческим директором.

Гущин нервничал. Это было видно невооружённым глазом. Он то и дело промокал лоб платком, дёргался от каждого телефонного звонка и пару раз бросал на меня такие взгляды, что у меня леденела спина. Один раз он подошёл к моему столу, навис надо мной всей своей лощёной тушей и медовым голосом поинтересовался:

— Таисия Петровна, как продвигается квартальный отчёт? Никаких... сложностей?

— Никаких, Виктор Павлович, — отозвалась я, не поднимая глаз от монитора. — Всё в полном порядке. Цифры сходятся.

— Вот и славно, — протянул он. — Главное, чтобы сходились. Не люблю, знаете ли, когда что-то не сходится.

И ушёл, оставив за собой шлейф дорогого одеколона и липкого страха. Я выдохнула только тогда, когда за ним закрылась дверь кабинета.

Домой я снова добиралась окольными путями, по дороге раз пять оглянулась — нет ли «хвоста». Вроде бы никого. Но ощущение, что за мной следят, не отпускало ни на минуту. Каждый прохожий в тёмной куртке казался мне тем самым типом из кофейни.

Едва я переступила порог квартиры, как Персик встретил меня радостным мявом и сразу же повёл на кухню — на сей раз исключительно по делу пропитания. Я насыпала ему корма, наскоро поужинала сама и решила, что завтра во что бы то ни стало доберусь до сейфа. А пока — нужно отдохнуть и подумать.

Но отдохнуть не получилось. Не успела я плюхнуться на диван, как в дверь позвонили. Я подскочила, сердце ухнуло вниз. Персик настороженно поднял уши. Кто это в такой час? Неужели они уже пришли за мной?

Я на цыпочках подкралась к двери и заглянула в глазок. И с облегчением выдохнула. На лестничной площадке стояла моя соседка с шестого этажа, Зинаида Марковна — пенсионерка лет семидесяти, божий одуванчик с вечным начёсом, главная сплетница нашего подъезда. В руках она держала тарелку, накрытую полотенцем.

Я открыла дверь. Зинаида Марковна — это, конечно, испытание для нервов, особенно сейчас, но всё же не убийца

с пистолетом.

— Тасенька, золотко! — заворковала соседка, протискиваясь в прихожую без приглашения. — Я тут пирожков напекла, с капусткой, дай, думаю, занесу. Ты ж одна-одинёшенька, бедняжка, всё на работе да на работе, а питаешься небось всухомятку.

— Спасибо, Зинаида Марковна, — я приняла тарелку. От пирожков и вправду шёл умопомрачительный аромат. — Очень кстати.

Персик тут же подошёл к гостье и принялся обнюхивать её тапочки. Зинаида Марковна — единственный человек, которому он позволял себя гладить, кроме меня.

— Ой, котик, котинька, — заумилялась соседка, наклоняясь к Персику. — Какой рыжий, какой важный!

Я хотела было вежливо выпроводить гостью — не до неё мне было, — но Зинаида Марковна уже по-хозяйски устроилась на табуретке в кухне и завела свою бесконечную шарманку. Я обречённо поставила чайник. Раньше выходных её теперь не выгонишь.

— А ты слыхала, Тасенька, что у нас в третьем подъезде творится? — затараторила соседка. — Нинка с пятого этажа со своим опять разругалась, чемоданы собирает! А в сорок второй квартире, говорят, притон развели...

Я слушала вполуха, кивала, разливала чай и думала о своём — о сейфе, о коде, о папке. И вдруг сквозь монотонный говорок соседки до меня долетела фраза, от которой я едва

не выронила чашку.

— ...а ещё, Тасенька, страсти-то какие. Помнишь, ты мне рассказывала, что у вас на фирме начальник большой, важный такой, на чёрной машине ездит? Стрельников, кажись?

Я застыла.

— Помню, — осторожно сказала я. — А что с ним?

— Так вот же! — Зинаида Марковна понизила голос до заговорщического шёпота и наклонилась ко мне через стол. — Сватья моя, Антонина, она ж в посёлке Берёзовом живёт, за городом, у самого леса. Так вот она мне в субботу звонила и рассказывала. В пятницу вечером, поздно уже, к ним там, к лесу, подъехала машина. Чёрная, большая, дорогая. И двое мужиков из неё что-то тяжёлое вытащили и в лес поволокли. А потом обратно уже без груза вышли, да быстро так уехали.

У меня по спине поползли мурашки.

— И что? — выдавила я.

— Да то, что Антонина-то любопытная, в окно подсмотрела. Говорит, утром пошла в тот лесок за грибами — какие грибы по нынешней осени, одно название, — и наткнулась на свежий-то холмик. Земля рыхлая, недавно копали. Она перепугалась, конечно, обратно убежала. А я ей говорю: дура ты, Антонина, в полицию надо звонить! А она боится — вдруг бандиты вернуться.

Я сидела ни жива ни мертва. Чёрная машина. Пятница, поздний вечер. Двое мужчин. Тяжёлый груз, который вытащили из багажника и потащили в лес. А обратно вышли на-

легке. И свежий холмик земли.

Борис Михайлович.

Это была не сплетня. Это была разгадка. Сватья Зинаиды Марковны, сама того не подозревая, видела, как убийцы хоронили моего директора. В пятницу вечером — именно тогда, когда Стрельников якобы «уехал в командировку». А чёрная машина — у Гущина как раз чёрный представительский автомобиль, я его сто раз видела на парковке у офиса.

— Зинаида Марковна, — я постаралась, чтобы голос не дрожал, — а где именно этот посёлок Берёзовый? И как сватью вашу зовут полностью? Где она живёт?

Соседка удивлённо вскинула брови.

— А тебе зачем, золотко?

Я лихорадочно соображала. Сказать правду нельзя — Зинаида Марковна разнесёт по всему подъезду, и это дойдёт до Гущина быстрее, чем я успею моргнуть.

— Да я... — выкрутилась я, — у меня знакомый риелтор спрашивал, нет ли в тех краях участков на продажу. Хочу ему адресок подкинуть, может, ваша сватья и продать что захочет.

— А, ну это другое дело! — обрадовалась соседка и тут же выложила мне всё: и полное имя сватьи — Антонина Властьевна Гречко, и адрес в посёлке Берёзовом, улица Лесная, дом восемь, и даже номер телефона. Я записала всё в блокнот дрожащей рукой.

Персик в это время сидел у моих ног и смотрел на меня

так пристально, будто понимал каждое слово. Когда я записывала адрес, он вдруг тихо мяукнул и положил лапу мне на колено. Словно говорил: «Вот оно, хозяйка. Вот где зарыта правда. В прямом смысле».

Зинаида Марковна просидела у меня ещё час, переливая из пустого в порожнее все подъездные новости, но я уже почти не слушала. Голова шла кругом. Теперь у меня была не просто догадка — у меня было место предполагаемого захоронения и свидетельница, видевшая чёрную машину и двоих мужчин. Это уже кое-что. Это уже почти доказательство.

Наконец соседка засобиралась.

— Ну, побегу я, Тасенька. Ты пирожки-то ешь, не стесняйся. И котика угости, вон как он на меня смотрит, попросайка рыжий.

Я проводила её до двери, рассыпаясь в благодарностях, заперла все замки и наконец-то осталась одна. Точнее, наедине с Персиком.

— Ну что, рыжий, — сказала я, опускаясь на пол прямо в прихожей и притягивая кота к себе. — Кажется, картина складывается. В пятницу Гуцин со своим подельником убили Бориса Михайловича и закопали его в лесу под Берёзовым. А деньги вывели через «Вектор». И вся документация по этой грязной схеме лежит в сейфе у нас в офисе.

Персик заурчал и потёрся головой о мой подбородок.

Я задумалась. Что делать с этой информацией? Идти в полицию и рассказать про холмик в лесу? Но я снова уперлась

в ту же стену. У меня — пересказ сплетни, услышанной от соседки, которая услышала от своей сватьи. «Испорченный телефон» в чистом виде. В полиции меня выслушают, поднимут на смех и в лучшем случае пошлют участкового проверить лесок «когда-нибудь на досуге». А Гуцин тем временем узнает, что я что-то заподозрила, и либо перепрычет тело, либо разделается со мной.

Нет. Действовать нужно наверняка. Сначала — папка из сейфа. Документы, которые свяжут Гуцина с «Вектором» и обналичкой. А потом, имея на руках финансовый компромат плюс показания свидетельницы про лес, можно идти к следователю — и тогда уже никто не отмахнётся.

Я записала всё, что рассказала Зинаида Марковна, в отдельный файл на компьютере, продублировала на флешку и снова отправила письмо самой себе на почту. Паранойя? Может быть. Но когда за тобой охотятся убийцы, лишняя предосторожность не помешает. Каждое доказательство должно быть продублировано. Как в бухгалтерии — всегда должна быть резервная копия.

Поужинав пирожками — Персик, конечно, получил свою долю капустной начинки, которую он, против ожиданий, обожал, — я устроилась на диване с ноутбуком и стала разрабатывать план на завтра. Завтра пятница. Через несколько дней Гуцин собирался убирать папку из сейфа. Значит, времени у меня в обрез — буквально считанные дни.

План вырисовывался такой. Завтра с утра я приду на ра-

боту пораньше, пока никого нет. Дождусь, когда Гушин выйдет на одну из своих встреч, проникну в сейфовую комнату и попытаюсь найти код. А если повезёт — и саму папку. Рискованно? Безумно. Но другого выхода я не видела.

Я уже почти задремала, обняв тёплого, урчащего Персика, как вдруг кот резко напрягся. Шерсть на загривке встала дыбом, уши прижались к голове, и он издал низкий, утробный звук — не мяуканье, не шипение, а что-то среднее, угрожающее. Он смотрел в сторону прихожей, на входную дверь.

Я мгновенно проснулась. Сна как не бывало.

— Персик? — прошептала я. — Что там?

Кот не отрывал взгляда от двери. И тут я услышала. Тихий, едва различимый звук. Будто кто-то осторожно, очень осторожно ковырялся в замке.

Сердце замерло, а потом заколотилось как бешеное. Я медленно поднялась с дивана, стараясь не шуметь. За дверью кто-то был. Кто-то пытался войти в мою квартиру. Глубокой ночью.

Я скосила глаза на часы — почти полночь. Звук в замке стал отчётливее. Металлический, скребущий. Так возятся не с ключом — так подбирают отмычку.

Они пришли. За мной. Или за тем, что, по их мнению, у меня было — за распечатками, за запонкой, за моими догадками. «Прослежу за ней», — сказал тип в куртке в кофейне. Видимо, проследил. Узнал, где я живу. И теперь решил наведаться в гости, пока я сплю.

Персик соскочил с дивана и встал между мной и дверью, выгнув спину дугой. Он шипел, рычал, бил хвостом по полу — превратился из ленивого домашнего толстяка в маленькую разъярённую рысь.

Я схватила телефон трясущимися руками. Что делать? Звонить в полицию? Пока они приедут, меня уже... Закричать? Соседи спят. Но другого оружия у меня не было — только голос. И рыжий защитник девяти килограммов весом.

Замок тихо щёлкнул. Дверь дрогнула.

Я открыла рот, чтобы закричать, но в этот момент Персик сделал то, чего я от него никак не ожидала. Он метнулся к двери и с диким, утробным воем, от которого у меня самой кровь застыла в жилах, бросился прямо на неё, царапая когтями и вопя так, будто его режут на части.

Глава 5. Ночной визит

Персик орал так, будто на него обрушился весь ад преисподней. Этот вой невозможно описать — низкий, надрывный, переходящий в пронзительный визг, от которого закладывало уши. Кот метался у двери, бил по ней лапами, царапал когтями обивку и не умолкал ни на секунду. В тишине спящего подъезда этот концерт прозвучал как сирена.

И тут меня словно прорвало. Страх сменился чем-то яростным, отчаянным. Я набрала полную грудь воздуха и заржала во всю мощь своих лёгких:

— Помогите! Грабят! Ломятся в квартиру! Соседи, вызывайте полицию!

Я колотила кулаками по стене, по двери, орала так, что сорвала голос. Персик вторил мне диким воем. Вдвоём мы устроили такой грохот, что, кажется, проснулся весь дом.

За дверью что-то изменилось. Скребущий звук отмычки прекратился. Я услышала, как кто-то выругался — приглушённо, сквозь зубы, но это был тот самый низкий голос, голос типа из кофейни. А потом — торопливые, удаляющиеся шаги. Грабитель бежал.

В соседних квартирах захлопали двери. Загорелся свет на площадке — я увидела это в щель под дверью. Послышались голоса.

— Что случилось? Кто кричал?

— Это с пятого этажа, у Цветковой!

— Звоните в полицию!

Я приникла к глазку. На площадке уже собирались соседи — кто в халате, кто в пижаме. А вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, удалялась тёмная фигура в чёрной куртке. Я успела заметить только спину и капюшон. Через секунду он скрылся.

Дрожащими руками я отперла дверь и выглянула наружу. Соседи обступили меня, наперебой расспрашивая.

— Тасенька, ты цела? Что произошло?

— Кто это был?

Я прислонилась к косяку, чувствуя, как ноги становятся ватными.

— Кто-то... кто-то пытался открыть мою дверь. Отмычкой. Хотел залезть в квартиру, — выдавила я. — Персик его спугнул.

Кот, услышав своё имя, вышел из квартиры с видом победителя, гордо задрал хвост трубой. Шерсть на нём ещё стояла дыбом, глаза горели боевым огнём. Соседи заохали, заохали, кто-то побежал звонить в полицию.

Дядя Коля с четвёртого этажа, мужик основательный, в трениках и майке, осмотрел мой замок и присвистнул:

— Гляди-ка, поковыряли знатно. Профессионал работал, не алкаш какой-нибудь за мелочью. Личинку чуть не вскрыл. Ты, Тася, кому-то сильно дорогу перешла.

«Если бы ты только знал, дядя Коля», — подумала я.

Полиция приехала через полчаса — два сонных, недовольных сержанта. Осмотрели дверь, поцокали языками, записали мои показания. Я рассказала им урезанную версию: легла спать, услышала, что кто-то ковыряется в замке, закричала, грабитель убежал. Про Гущина, про «Вектор», про убитого директора я благоразумно промолчала. Не время. У меня всё ещё не было доказательств, а заявить на солидного коммерческого директора без единой улики означало подписать себе приговор.

— Скорее всего, наркоман искал, чем поживиться, — лениво заключил один из сержантов, закрывая блокнот. — Хотя замок, конечно, вскрывали умело. Вы поставьте дверь покрепче, гражданочка. И камеру не помешало бы. А мы патрулирование усилим.

Они уехали, соседи разошлись, и я снова осталась одна. Точнее, с Персиком. Было уже почти два часа ночи. Спать я, разумеется, не могла. Сидела на кухне, куталась в плед, пила валерьянку и гладила кота, который, утомлённый ночными переживаниями, дремал у меня на коленях.

В голове крутились мрачные мысли. Эти люди не остановятся. Сегодня — отмычка, а завтра, чего доброго, подкараулят меня на улице, инсценируют несчастный случай. У меня было совсем мало времени. Действовать нужно было быстро. Очень быстро.

Я приняла решение. Завтра — то есть уже сегодня — я иду в офис и любой ценой добираюсь до сейфа. Это мой

единственный шанс. Папка с теневой бухгалтерией — вот ключ ко всему. С ней я смогу пойти в полицию, к серьёзному следователю, и тогда уже Гущину не отвертеться. А пока папки нет — я лёгкая мишень, бухгалтерша с фантазиями, от которой можно избавиться без лишнего шума.

Чтобы хоть как-то успокоиться и не сидеть сложа руки, я снова достала ноутбук и принялась изучать всё, что могла найти про фирму «Вектор-М» и про Гущина. Копала глубоко. И накопила ещё кое-что интересное.

Оказалось, что учредителем «Вектора-М» числился некий Семёнов Игорь Анатольевич. Я прогнала это имя через все базы, какие смогла найти. И — бинго. Игорь Анатольевич Семёнов оказался... водителем. Личным водителем Виктора Павловича Гущина. Я нашла это в старой публикации с какого-то корпоративного мероприятия «СтройГаранта»: на фото Гущин выходил из машины, а подпись гласила, что за рулём — его водитель И. Семёнов.

Я даже привстала от возбуждения. Вот оно! Прямая связь! Фирму-однодневку «Вектор-М», на которую вывели двадцать миллионов, оформили на водителя Гущина. Классическая схема — подставное лицо из ближнего круга, человек зависимый, послушный, готовый подписать любые бумаги за процент или просто из страха.

И тут меня осенило ещё кое-что. Тип в куртке. Высокий, лет сорока, с короткой стрижкой и неприятным взглядом. Курьер, который приходил ко мне с документами. Голос, ко-

торый звонил мне с угрозами. Человек, который сегодня ночью ковырялся в моём замке. А что, если это всё — один и тот же человек? Что, если это и есть Игорь Семёнов, водитель Гущина? Подельник, правая рука, исполнитель грязной работы?

Я нашла фотографию получше — групповое фото сотрудников «СтройГаранта» с прошлогоднего корпоратива, которое Леночка когда-то выкладывала в общий чат. Долго вглядывалась в лица. И вот он — в заднем ряду, чуть в стороне от всех. Высокий мужчина с короткой стрижкой и тяжёлым взглядом. Подпись: «И. Семёнов, транспортный отдел».

Это был он. Тот самый тип из кофейни. Курьер. Ночной взломщик. Убийца Бориса Михайловича, закопавший его в лесу под Берёзовым.

Меня затрясло. Теперь у меня в голове сложилась полная картина. Гущин — мозг, организатор. Семёнов — исполнитель, подставное лицо для фирмы-однодневки и киллер по совместительству. Вдвоём они вывели двадцать миллионов, убили директора, который начал что-то подозревать, и теперь охотились за мной.

Я сохранила обе фотографии, сделала скриншоты данных по «Вектору-М» с именем Семёнова, всё это отправила себе на почту и продублировала на флешку. Резервная копия. Всегда должна быть резервная копия.

Потом я взяла телефон и наконец-то отправила то сообщение Светке, своей подруге из полиции, которое накануне

стёрла. Только дополнила его: «Свет, дело серьёзное, не до шуток. Если со мной что-то случится — ищи папку в сейфе „СтройГаранта“, проверь Виктора Гущина и его водителя Игоря Семёнова. Фирма „Вектор-М“ оформлена на Семёнова, через неё вывели 20 млн. Директор Стрельников, скорее всего, убит и закопан в лесу под посёлком Берёзовым. Свидетельница — Антонина Гречко, Лесная, 8. Я серьёзно. Завтра всё объясню при встрече».

Палец на этот раз не дрогнул. Я нажала «отправить». Пусть хоть кто-то, кроме меня, будет в курсе. Светка, конечно, ответит не раньше утра — спит, наверное. Но след останется. Если со мной что-то случится — а такая возможность теперь казалась вполне реальной, — следствие будет знать, где искать.

За окном по-прежнему было темно. Дождь наконец-то перестал, но небо оставалось мутным, беззвёздным. Я посмотрела на спящего Персика, на разгромленную когтями обивку двери, на свой ноутбук с фотографиями убийц.

И вдруг подумала: а ведь всё началось с лишнего ноля. С одной маленькой строчки в платёжке. С трёх миллионов двухсот тысяч вместо трёхсот двадцати. Если бы я не зацепилась за неё взглядом, если бы прошла мимо, как прошли все остальные, — жила бы себе спокойно, сводила бы балансы, пила бы кофе с корицей. И ничего бы этого не было — ни угроз, ни ночных взломщиков, ни страха.

Но я не могла пройти мимо. Не такой я человек. Аркадий

Семёнович, царствие ему небесное, воспитал меня правильно. Цифры не врут. И если они не сходятся — значит, кто-то соврал. А за каждой ложью, как я теперь убедилась на собственной шкуре, может скрываться чья-то могила.

— Знаешь что, Персик, — сказала я, и голос мой звучал уже твёрдо, без дрожи. — Они думают, что я просто глупая баба, которую можно запугать звонками и взломом замка. Они ошибаются. Я доведу это дело до конца. Ради Бориса Михайловича. Ради справедливости. И ради нас с тобой — чтобы мы могли спать спокойно.

Кот, не просыпаясь, дёрнул ухом и заурчал чуть громче. Я расценила это как полное согласие.

До утра я так и не сомкнула глаз. Сидела, пила чай, продумывала каждый шаг завтрашней — сегодняшней — операции. Как прийти пораньше. Как дождаться, пока Гуцин выйдет на свою встречу. Как проникнуть в сейфовую комнату. Где искать код. Как открыть сейф. Как вынести папку и не попасться.

План был дерзкий, рискованный, почти безумный. Тихий бухгалтер собирался превратиться во взломщика сейфов. Но другого выхода я не видела. Либо я добуду доказательства и пойду в полицию — либо они доберутся до меня раньше.

Когда за окном начало сереть, я наконец встала, размяла затёкшие плечи и пошла приводить себя в порядок. Холодный душ немного взбодрил. Я надела свой строгий серый костюм — броню обычного офисного работника, — со-

брала волосы, нанесла лёгкий макияж, чтобы скрыть синяки под глазами от бессонной ночи. В зеркале на меня смотрела бледная, но решительная женщина.

Перед уходом я насыпала Персику двойную порцию корма — герой заслужил, — налила свежей воды и присела перед ним на корточки.

— Веди себя хорошо, рыжий. Сегодня важный день. Если всё получится — вечером отметим. Куплю тебе тот дорожный паштет, который ты так любишь.

Персик степенно подошёл, потёрся о мою ногу и посмотрел снизу вверх своими умными зелёными глазами. В этом взгляде читалось что-то вроде напутствия. «Будь осторожна, хозяйка. И возвращайся».

Я проверила, лежит ли флешка в потайном кармане сумки. На месте. Телефон заряжен. Решимость на максимуме. Я в последний раз оглядела квартиру, потрепала Персика по голове и шагнула за порог, тщательно заперев искалеченный замок.

Впереди был самый страшный и самый важный день в моей жизни. День, когда тихая бухгалтерша Таисия Цветкова должна была вскрыть сейф убийцы и достать оттуда правду.

Лифт, как назло, не работал. Я начала спускаться по лестнице пешком, и сердце колотилось всё сильнее с каждым этажом. Где-то там, в офисе «СтройГаранта», меня ждала вторая папка. Папка, в которой дебет с кредитом сойдутся окончательно — и подведут под всем этим кошмаром последнюю,

страшную черту.

Глава 6. Двойная бухгалтерия

В офис я пришла раньше всех — без четверти восемь. Лёночка, которая обычно являлась к девяти, ещё спала сладким сном в своей кровати, а в коридорах «СтройГаранта» царила непривычная, гулкая тишина. Только уборщица тётя Маша возила шваброй по плитке да гудел где-то кулер. Я кивнула ей, прошла к своему столу, включила компьютер для виду и принялась ждать.

Сердце колотилось как сумасшедшее. План был прост до безобразия и одновременно невероятно рискован. Дождаться, пока Гуцин уйдёт на одну из своих «встреч». Проникнуть в его кабинет, найти код от сейфа. Открыть сейф, забрать папку. И унести ноги, пока никто ничего не заметил. На словах легко. На деле — ноги у меня подкашивались.

Гуцин явился к девяти, как обычно. Лощёный, при галстуке, с неизменным запахом дорогого одеколona. Прошёл мимо моего стола, скользнул по мне равнодушным взглядом — слава богу, ничего не заподозрил. Значит, Семёнов не успел доложить ему про ночное фиаско, либо доложил, но Гуцин не связал ночного взломщика со мной. Я уткнулась в монитор, изображая прилежного главбуха.

Около одиннадцати в кабинете Гуцина зазвонил телефон. Я наострила уши. Через пять минут коммерческий директор вышел в общий зал, на ходу натягивая пальто.

— Леночка, я на пару часов отлучусь. Если что — на мобильном.

— Хорошо, Виктор Павлович, — пропела секретарша, не отрываясь от своих ногтей.

Дверь за ним закрылась. Я выждала десять минут — вдруг вернётся, что-нибудь забыл. Не вернулся. Сердце стучало в горле. Пора.

— Леночка, — окликнула я секретаршу как можно непри-
нуждённее. — Я в архив, поищу старые договоры по «Строй-
прому». Если что — я там, в дальней комнате.

— Угу, — рассеянно отозвалась Леночка.

Архив располагался как раз рядом с кабинетом Гущина. Идеальное прикрытие. Я взяла со стола папку для вида,хватила сумку с флешкой и неторопливо двинулась по коридору. Прошла мимо архива, оглянулась — никого — и шмыгнула в кабинет коммерческого директора.

Кабинет Гущина был обставлен с претензией на роскошь: массивный кожаный диван, дубовый стол, на стенах — дипломы в золочёных рамках. Я прикрыла за собой дверь и замерла, прислушиваясь. Тихо. Только сердце бухает. Я бросилась к столу.

Где такой самоуверенный тип может записать код от сейфа? Под клавиатурой? В ежедневнике? Я выдвинула верхний ящик — ручки, визитницы, степлер. Второй — какие-то рекламные буклеты. Третий заперт. Я перебрала бумаги на столе, заглянула под клавиатуру, под телефон, под настоль-

ный календарь. Ничего.

Минуты бежали. Руки тряслись. Я лихорадочно соображала. Аркадий Семёнович всегда говорил: люди записывают важное там, где видят это каждый день, но где другие не догадаются искать. Я обвела взглядом кабинет. И тут мой взгляд упал на дорожную перьевую ручку «Паркер» в подставке. Помпезная, явно для показухи. Я взяла её в руки, повертела. Открутила колпачок. И в полости корпуса, свёрнутая в крохотную трубочку, обнаружилась бумажка. Я развернула её дрожащими пальцами. Шесть цифр: 7-3-9-1-4-2.

Код. Это был код. У меня перехватило дыхание.

Сейфовая комната находилась за неприметной дверью в углу кабинета. У меня, как у главбуха, был ключ от этой двери — официально я имела право заходить туда за договорами и печатями. Я отперла её, проскользнула внутрь и включила свет. Маленькое помещение без окон, стеллажи с папками, а в углу — он. Большой металлический сейф с электронным замком.

Я подошла, набрала код дрожащими пальцами: 7-3-9-1-4-2. Замок пискнул, мигнул зелёным огоньком. Тяжёлая дверца щёлкнула и приоткрылась.

— Получилось, — выдохнула я.

Внутри лежали стопки документов, пачки наличных в банковской упаковке — тысяч триста, не меньше, — бархатная коробочка с какими-то украшениями и несколько папок. Я перебирала их быстро, лихорадочно. «Договоры аренды»,

«Кадры», «Налоговая»... И вот она. Толстая чёрная папка без подписи. Я раскрыла её — и у меня перехватило дыхание.

Это была она. Та самая вторая бухгалтерия. Теневая. Чёрная.

Передо мной лежал тщательно, скрупулёзно, по-бухгалтерски аккуратно расписанный учёт всей преступной схемы. Реальные суммы, выведенные через «Вектор-М», — а их оказалось не двадцать, а двадцать восемь миллионов. Даты платежей. Проценты обнала — фирма-однодневка брала за услугу семь процентов. И — самое главное — пометки от руки, кому и сколько шло. «В.П.» — Виктор Павлович. «И.С.» — Игорь Семёнов. Доли распределялись: Гущину — львиная часть, Семёнову — поменьше, за грязную работу.

Но это было ещё не всё. В отдельном файлике лежали копии договоров «Вектора-М», подписанные Семёновым, и — я не поверила своим глазам — копия доверенности, по которой Семёнов получал наличные в банке. А ещё там были фотографии. Я вытащила их — и едва не выронила папку.

На снимках был Борис Михайлович. Живой ещё, но связанный, с кляпом во рту, в каком-то полутёмном помещении. Видимо, Семёнов или Гущин фотографировали его — то ли для устрашения, то ли как доказательство для каких-то своих целей. На последнем фото была видна стена с характерными граффити. Я узнала это место мгновенно — старая котельная в промзоне. Та самая, что числилась юриди-

ческим адресом «Вектора-М». Вот, значит, где они держали несчастного директора, прежде чем убить и закопать.

Меня замутило. Бедный Борис Михайлович. Человек, который приносил мне конфеты на Восьмое марта, который помнил, как зовут моего кота. Связанный, беспомощный, в грязной котельной, перед лицом своих убийц.

Я сглотнула подступивший к горлу комок. Не время раскисать, Тася. Работай.

Я выхватила из сумки флешку и подключила её к небольшому ноутбуку, который тоже лежал в сейфе — видимо, на нём Гуцин и вёл свою чёрную бухгалтерию. Ноутбук был не запаролен — ещё одна самоуверенная небрежность. Я открыла папку с файлами. Там было всё: электронные таблицы с реальными суммами, отсканированные документы, даже аудиозапись — я кликнула наугад, и из динамика раздался голос Гуцина: «...через Вектор пропустим ещё пятёрку, потом фирму гасим, концы в воду...» Голос второго, Семёнова: «А с Борисом что? Он же подписи требует...» Гуцин: «С Борисом я сам разберусь. Надоел уже, праведник...»

Запись. Голосовая запись, где Гуцин фактически признаётся в подготовке убийства. Видимо, кто-то — может, сам осторожный Гуцин для подстраховки против подельника, а может, наоборот, Семёнов против босса — вёл тайную аудиофиксацию. Воры не доверяют друг другу. И эта недоверчивость сейчас играла мне на руку.

Я скопировала на флешку всё, что успела: таблицы, сканы,

аудиозаписи. Файлы лились медленно, мучительно медленно. Я косилась на дверь, обливаясь холодным потом. Каждая секунда тянулась как час. Полоска копирования ползла: сорок процентов... шестьдесят... восемьдесят...

И тут я услышала. В кабинете Гущина хлопнула дверь. Шаги. И голос — его голос:

— ...да, я уже вернулся, бумаги забыл. Сейчас возьму и снова подъеду.

Гущин. Вернулся. За забытыми бумагами. А я — в сейфовой комнате, с открытым сейфом, с его ноутбуком, с флешкой, которая всё ещё копирует файлы. Восемьдесят пять процентов. Восемьдесят восемь.

Меня прошиб ледяной пот. Я заметалась взглядом. Бежать некуда — единственный выход из сейфовой комнаты вёл прямо в кабинет, где сейчас стоял Гущин. Окон нет. Спрятаться негде, кроме как за стеллажом.

Девяносто пять процентов. Ну же, ну же!

Шаги Гущина приближались к двери сейфовой комнаты. Видимо, забытые бумаги лежали как раз в сейфе.

Сто процентов. Готово. Я выдернула флешку, сунула в потайной карман, захлопнула ноутбук, лихорадочно сгребла папку — нет, папку брать нельзя, заметит пропажу сразу, — положила её обратно, как лежала, толкнула дверцу сейфа... но та не успела защёлкнуться до конца. Я метнулась за стеллаж, в самый тёмный угол, вжалась в стену между полками с архивными коробками, едва дыша.

Дверь сейфовой комнаты распахнулась. Вошёл Гущин. Я видела его сквозь щель между папками — лощёного, самодовольного. Он направился прямо к сейфу. И замер.

— Что за... — пробормотал он, глядя на приоткрытую дверцу. — Я же закрывал...

Сердце моё остановилось. Сейчас он поймёт, что кто-то лазил. Сейчас обернётся и увидит меня. Я перестала дышать совсем.

Гущин распахнул сейф, быстро оглядел содержимое. Перебрал папки. Чёрная — на месте, я положила её правильно. Деньги — на месте. Он немного успокоился, проворчал что-то про «старею, забываю запирать», вытащил какую-то светлую папку — те самые забытые бумаги — и... потянулся к ноутбуку. Проверить. Сердце моё ухнуло в пропасть. Если он откроет ноутбук и увидит, что недавно копировались файлы...

И в этот момент в кабинете зазвонил его мобильный. Громко, настойчиво. Гущин чертыхнулся, бросил ноутбук в сейфе, захлопнул дверцу — на этот раз до щелчка, — крутанул замок и поспешил к телефону.

— Да! Семёнов, ты где шляешься? — раздражённо рявкнул он, выходя из сейфовой комнаты. — Я тебе сто раз... Что значит «упустил»? Какую ещё бухгалтершу?..

Голос его удалялся. Я расслышала ещё обрывки: «...следил всю ночь... ушла рано утром... я потерял её в центре...» Семёнов докладывал про меня. Про то, что не уследил.

— ...найди её немедленно! — прошипел Гущин уже из кабинета. — И на этот раз без самодеятельности. Делаем как договаривались. Всё, отбой.

Хлопнула дверь кабинета. Шаги стихли. Гущин ушёл.

Я простояла за стеллажом ещё минут пять, не в силах пошевелиться. Ноги стали ватными, по спине стекал холодный пот, руки тряслись так, что я едва смогла сжать кулаки. Но в потайном кармане лежала флешка. Флешка, на которой было всё — реальные суммы, имена, подписи, фотографии связанного Стрельникова и аудиозапись, где Гущин признаётся в подготовке убийства.

У меня были доказательства. Настоящие. Железные. Такие, от которых не отвертеться.

Я выждала, пока сердце хоть немного успокоится, выскользнула из сейфовой комнаты, тщательно заперла её на ключ, прошла через пустой кабинет Гущина и вернула на место перьевую ручку с кодом — в точности как лежала. Потом выскользнула в коридор. Леночка по-прежнему сидела на своём месте, увлечённая ногтями. Никто ничего не заметил.

Я дошла до своего стола на негнущихся ногах, рухнула в кресло. В голове билась одна мысль: уходить. Немедленно. С этой флешкой нужно бежать в полицию, к серьёзным людям, к Светке, к её начальству — куда угодно, только подальше отсюда. Пока Гущин не вернулся. Пока Семёнов меня не нашёл.

Я схватила сумку, подхватила плащ.

— Леночка, мне нужно в банк, по платёжкам. Буду после обеда.

— Ага, — отозвалась секретарша.

Я почти бежала к выходу. Спустилась на первый этаж, толкнула стеклянную дверь бизнес-центра — и выскочила на улицу, жадно глотая прохладный осенний воздух. Получилось. У меня получилось. Тихая бухгалтерша Тася Цветкова обчистила сейф убийцы и вынесла оттуда правду.

Я достала телефон, чтобы позвонить Светке. И в этот момент в нескольких метрах от меня, у обочины, я заметила знакомую фигуру. Высокий мужчина в чёрной куртке. Короткая стрижка. Тяжёлый, цепкий взгляд. Он стоял, прислонившись к фонарному столбу, и смотрел прямо на меня.

Семёнов.

Наши взгляды встретились. И я увидела, как в его глазах вспыхнуло узнавание. Он понял, кто я. А я поняла, что он понял.

Семёнов оттолкнулся от столба и двинулся в мою сторону. Быстро. Решительно.

Я развернулась — и побежала.

Глава 7. Погоня на каблуках

Бежать на каблуках — это, я вам скажу, отдельный вид спорта, не предусмотренный олимпийской программой исключительно по недосмотру. Я неслась по тротуару, цокая шпильками, как взбесившаяся лошадь, и каждую секунду рисковала подвернуть ногу. Сумку с бесценной флешкой я прижимала к груди обеими руками, будто младенца.

Сзади слышались тяжёлые, размеренные шаги Семёнова. Он не бежал — он шёл. Быстро, целеустремлённо, как хищник, который знает, что добыча никуда не денется. И от этой его неторопливой уверенности мне становилось ещё страшнее.

Я свернула за угол, едва не сбив с ног какую-то старушку с авоськой, пробормотала извинения и понеслась дальше. Куда бежать? Домой нельзя — он знает адрес. К Светке — далеко, не успею. В полицию — где тут ближайшее отделение, я понятия не имела. Мозг лихорадочно перебирал варианты, как картотеку.

И тут впереди, как спасительный маяк, замаячило огромное здание торгового центра «Меридиан». Люди. Толпа. Камеры наблюдения. Охрана. Среди бела дня, при свидетелях, Семёнов не рискнёт на меня напасть. А там я найду охрану, позвоню в полицию, затеряюсь в толпе. Решено.

Я рванула к стеклянным дверям и влетела внутрь, в про-

хладу, музыку и многоголосый гул. Меня обдало запахами кофе, выпечки и парфюма. Будний день, но народу хватало — мамочки с колясками, студенты, пенсионеры, празднично гуляющие парочки. Я нырнула в эту человеческую реку, лавируя между людьми, и оглянулась.

Семёнов вошёл следом. Я увидела его чёрную куртку у входа — он крутил головой, выискивая меня в толпе. Я пригнулась, спряталась за стойкой с рекламными буклетами и принялась лихорадочно соображать.

Первым делом — позвонить Светке. Я выхватила телефон, нашла её номер. Длинные гудки. Ну давай же, Светка, возьми трубку!

— Алло? — раздался наконец сонный голос подруги.

— Света! — зашептала я, задыхаясь. — Это Тася! Слушай меня внимательно, у меня мало времени. Я в торговом центре «Меридиан», за мной гонится убийца! У меня доказательства, флешка, всё про Гущина! Помнишь моё ночное сообщение?

— Тась, ты чего, какой убийца? — Светка явно ещё не проснулась. — Ты не разыгрываешь?

— Какие розыгрыши, Света! — я чуть не плакала. — Это реально! Человек убит! За мной гонится Семёнов, водитель Гущина! Высокий, в чёрной куртке! Звони своим, шли наряд в «Меридиан», немедленно! Я серьёзно, как никогда!

Что-то в моём голосе наконец проняло подругу. Она резко проснулась.

— Так, поняла. Не паникуй. Прячься где-нибудь на людях, не выходи на улицу. Я звоню дежурному, и сама выезжаю. Держись, Таська!

Она отключилась. Я выдохнула. Помощь будет. Нужно только продержаться. Спрятаться, выиграть время.

Я выглянула из-за стойки. Семёнов медленно двигался вдоль витрин, методично осматривая каждый закуток. Профессионал. Я попятилась, нырнула в ближайший магазин — это оказался отдел женской одежды — и юркнула между стойками с платьями.

— Девушка, вам помочь? — подлетела продавщица.

— Нет-нет, я просто смотрю, — отмахнулась я, прячась за вешалкой с зимними пальто.

Сквозь щель между одеждой я наблюдала за входом в магазин. Через минуту мимо прошёл Семёнов. Замедлил шаг, заглянул внутрь, скользнул взглядом по торговому залу. Я вжалась в пальто, задержала дыхание. Его глаза прошлись по стойкам... и двинулись дальше. Не заметил. Он пошёл вглубь галереи.

Я перевела дух, но расслабляться было рано. Нужно было перебраться поближе к выходу или к посту охраны и дождаться полиции. Я осторожно выскользнула из магазина в противоположную от Семёнова сторону и быстро зашагала по галерее, стараясь держаться в гуще людей.

И вот тут я допустила ошибку. Засмотрелась назад, проверяя, нет ли погони, — и налетела прямо на витрину с пар-

фюмом. Грохот, звон, флаконы посыпались на пол. Все обернулись. И Семёнов, который был метрах в тридцати позади, тоже обернулся. Наши взгляды снова встретились.

Маскировка провалена. Он рванул ко мне.

Я бросила испуганное «извините!» опешившему продавцу парфюма и понеслась прочь. Мимо мелькали витрины, лица, вывески. Семёнов нагонял — мужские ноги длиннее, да и без каблуков бежать сподручнее. Я слышала его дыхание уже совсем близко.

Эскалатор! Я заскочила на ползущую вверх ленту и побежала по ступенькам, расталкивая людей, бормоча извинения. Семёнов влетел следом. Расстояние сокращалось.

На втором этаже я метнулась направо — и оказалась в зоне фуд-корта. Столики, запах фастфуда, шум. Я пронеслась между рядами, опрокинув чей-то поднос с картошкой фри — снова возмущённые крики, — и увидела впереди спасение: пост охраны торгового центра. За стойкой сидел дюжий охранник в форме.

— Помогите! — закричала я, подлетая к нему. — За мной гонится мужчина! Он хочет меня убить! Я уже вызвала полицию!

Охранник, здоровенный детина с добродушным лицом, поднялся из-за стойки.

— Спокойно, девушка. Где он?

Я обернулась, тыча пальцем. Но Семёнов, увидев охранника и сообразив, что я добралась до помощи, резко за-

тормозил метрах в двадцати. Постоял секунду, сверля меня ненавидящим взглядом, а потом развернулся и быстро смешался с толпой. Исчез.

— Вон тот, в чёрной куртке! — крикнула я. — Он убежал! Охранник, прищурившись, оглядел толпу.

— Да тут таких в чёрных куртках полцентра. Вы успокойтесь, присядьте. Воды дать? Полицию, говорите, вызвали?

— Вызвала, подруга едет, она из полиции, — пролепетала я, без сил опускаясь на стул возле его стойки. Ноги дрожали, сердце колотилось, лёгкие горели. Но я была жива. И флешка была при мне — я снова прижала сумку к груди.

Охранник, представившийся Геннадием, оказался мужиком понятливым. Выслушав мой сбивчивый рассказ — я опять выдала урезанную версию про преследователя и угрозы, без подробностей про убийство и миллионы, — он связался по рации с коллегами и попросил приглядеть за выходами на предмет мужчины в чёрной куртке. Потом усадил меня в служебной комнатке за постом, принёс стакан воды и велел ждать полицию.

Я сидела, пила воду маленькими глотками и пыталась унять колотун. Флешку я на всякий случай переложила из сумки во внутренний карман пиджака, поближе к телу. Паранойя? После всего, что случилось, — разумная предосторожность.

Минут через двадцать примчалась Светка — растрёпанная, в наспех накинутой куртке поверх домашней футболки,

но с настоящим полицейским удостоверением, которое она сунула под нос охраннику. А следом за ней подъехал и наряд — двое серьёзных мужчин, на этот раз не сонные сержанты, а оперативники.

— Таська! — Светка кинулась ко мне, обняла. — Живая! Ну ты даёшь, подруга! Рассказывай всё по порядку.

И я рассказала. Всё. С самого начала — про лишний ноль, про «Вектор-М», про исчезновение Стрельникова, про заповню, которую притащил Персик, про подслушанный в кофейне разговор, про холмик в лесу под Берёзовым, про ночной взлом, про сегодняшнее проникновение в сейф. А под конец достала из внутреннего кармана флешку и положила на стол.

— Вот. Здесь всё. Теневая бухгалтерия Гущина. Реальные суммы — двадцать восемь миллионов. Фотографии связанного Стрельникова в котельной. И аудиозапись, где Гущин говорит, что «сам разберётся» с директором. Это убийство, Света. Спланированное, хладнокровное убийство. И обналка на десятки миллионов.

Оперативники, которые поначалу слушали меня с дежурным скепсисом — мол, очередная истеричка с фантазиями, — по мере рассказа мрачнели и подбирались. Когда я упомянула флешку с аудиозаписью и фотографиями, старший из них, представившийся капитаном Воронцовым, заметно оживился.

— Можно взглянуть? — он кивнул на флешку.

— Только осторожно, это единственный оригинал, — предупредила я. — Хотя нет, не единственный — я часть данных продублировала себе на почту ещё ночью. Резервная копия. Бухгалтерская привычка.

Воронцов хмыкнул, явно оценив мою предусмотрительность. Светка достала служебный ноутбук, вставила флешку. На экране открылись папки с таблицами, сканами документов, фотографиями. Воронцов кликнул на аудиофайл. Из динамика раздался голос Гущина: «...С Борисом я сам разберусь. Надоел уже, праведник...»

В служебной комнатке повисла тяжёлая тишина. Оперативники переглянулись. Скепсиса на их лицах больше не было — только профессиональная собранность.

— Так, — сказал Воронцов, и голос его стал жёстким, деловым. — Таисия Петровна, это серьёзно. Очень серьёзно. Вы понимаете, что фактически в одиночку раскрыли убийство и крупное хищение?

— Я не одна, — машинально ответила я. — Мне кот помогал.

— Кот? — приподнял бровь капитан.

— Долгая история, — вздохнула я.

Воронцов решил не углубляться. Он быстро отдал распоряжения: флешку — на изъятие и экспертизу, под протокол; меня — под охрану; данные по Гущину и Семёнову — срочно пробить; в посёлок Берёзовый, к лесу, — выслать группу со свидетельницей Гречко и кинологами с собакой для по-

иска тела; на офис «СтройГаранта» и квартиру Гущина — готовить обыск. Машина закрутилась. Настоящая, полицейская, неумолимая машина, которую я столько дней пыталась запустить в одиночку.

Светка села рядом, сжала мою руку.

— Таська, ты с ума сошла, в сейф убийцы полезла, — прошептала она с укором и восхищением одновременно. — Тебя же убить могли!

— Могли, — согласилась я. — Но дебет с кредитом должны сходиться, Света. Иначе никак.

Воронцов тем временем составлял протокол изъятия флешки. И тут случилось то, чего я никак не ожидала. В служебную комнату заглянул охранник Геннадий и сообщил, что у одного из выходов задержали мужчину в чёрной куртке, который вёл себя подозрительно и пытался вынести что-то под полый.

Оперативники мгновенно отреагировали. Воронцов с напарником рванули к выходу, я и Светка — за ними. У служебного выхода стояли двое охранников, крепко держа под руки... его. Семёнова. Он не успел уйти — видимо, кружил по центру, надеясь подкараулить меня, и попался на глаза бдительной охране.

— Он! — выдохнула я, прячась за спину Светки. — Это он, Семёнов!

Воронцов представился, предъявил удостоверение. Семёнов держался нагло, цедил сквозь зубы, что его с кем-то пе-

репутали, что он просто покупатель и сейчас вызовет адвоката. Но когда один из охранников вытащил из-под его куртки то, что он пытался спрятать, наглость с лица Семёнова мигом сползла.

Это был пистолет. Самый настоящий, с навинченным глушителем.

— Так-так, — недобро протянул Воронцов, разглядывая оружие. — И зачем же добропорядочному покупателю в торговом центре ствол с глушителем? За покупками собрались, гражданин Семёнов?

Семёнов побледнел и замолчал. А я поняла, для чего он гнался за мной. Не запугать. Не отобрать флешку. Убить. Тихо, с глушителем, в людном месте, а потом раствориться в толпе. Меня едва не пристрелили среди бела дня в торговом центре, как героиню боевика. От этой мысли подкосились ноги, и Светка едва успела меня подхватить.

Семёнова защёлкнули в наручники и под конвоем повели к выходу. Проходя мимо, он бросил на меня взгляд — полный такой холодной, змеиной ненависти, что у меня мороз пошёл по коже. Но я выдержала этот взгляд. Не отвела глаз. Пусть знает: тихая бухгалтерша оказалась ему не по зубам.

— Один есть, — удовлетворённо констатировал Воронцов. — Теперь дело за вашим Гушиным. Думаю, когда он узнает, что подельник задержан с оружием, а в наших руках вся документация, запоёт как миленький. Или, наоборот, ляжет на дно. Будем брать.

Я опустила на ближайшую банкетку. Адреналин схлынул, и навалилась чудовищная усталость — последствия бессонной ночи, погони, страха. Но вместе с усталостью пришло и облегчение. Невероятное, всепоглощающее облегчение. Семёнов пойман. Доказательства в руках полиции. Машина запущена. Я больше не одна против убийц — теперь за моей спиной стояли закон и капитан Воронцов с его серьёзным лицом.

— Светка, — пробормотала я, — а можно мне домой? К Персику? Я больше не могу.

— Потерпи чуть-чуть, — Светка погладила меня по плечу. — Дадим показания, оформим всё как положено, и я тебя сама отвезу. И охрану к твоей квартире приставим, пока Гущина не возьмём. Молодец ты, Таська. Настоящий следователь. Тебе бы к нам в органы.

— Нет уж, спасибо, — слабо улыбнулась я. — Я лучше с цифрами. Цифры хотя бы не стреляют.

Хотя, как показала практика, и цифры иногда стреляют. Да ещё как. Прямо в чью-то могилу.

Я дала показания, подписала протоколы, и Светка наконец повезла меня домой. Всю дорогу я думала о Персике. Как он там, мой рыжий герой? Заждался, наверное. Я везла ему обещанный дорогой паштет — заехали по дороге в магазин. Герой заслужил. Если бы не его ночной концерт, не приволочённая запонка, не его чутьё — лежать бы и мне сейчас в лесочке под Берёзовым рядом с бедным Борисом

Михайловичем.

Когда мы подъехали к дому, я с облегчением выдохнула. Дома. Наконец-то дома. Под охраной, с флешкой в надёжных руках, с пойманым убийцей. Казалось, худшее позади.

Но, поднявшись в квартиру и открыв дверь, я сразу поняла: что-то не так. Персик встретил меня не радостным мявом, а странным, виноватым видом. Он сидел посреди прихожей и смотрел на меня так, будто нашкодил. А рядом с ним, на полу, валялась раскрытая, пустая сумка — та самая, в которой я утром... Стоп.

Я похолодела. Резервная флешка. Та самая, на которую я ночью продублировала часть данных и которую утром на бегу переложила... куда? В сумку? И забыла дома? А Персик, мой рыжий собиратель, любитель тащить всё блестящее в свой тайник...

— Персик, — прошептала я упавшим голосом. — Где флешка?

Кот отвёл взгляд и виновато прижал уши.

Глава 8. Кот под подозрением

— Персик, — повторила я, опускаясь на колени прямо в прихожей, — миленький, рыженький, золотой мой, где флешка?

Кот смотрел на меня с видом нашкодившего, но абсолютно нераскаявшегося преступника. Хвост подрагивал, уши прижаты, зелёные глаза бегали. Классический портрет вины. Я знала этот взгляд — так он смотрел, когда сжирал котлету со сковородки или прятал мои ключи в недрах квартиры.

Светка, заглянувшая следом за мной, уд понимаешь?

— Бухгалтер, — покачала головой Светка. — Даже компромат у тебя в трёх экземплярах. Ладно, где этот кошачий тайник?

— Под диваном.

Мы вдвоём ринулись в комнату. Я плюхнулась на пол и заглянула под диван — в святая святых, в сокровищницу Персика. И ахнула. За время, что меня не было, кот, видимо от тоски и одиночества, навёл там полную ревизию и пополнил коллекцию. Под диваном обнаружился целый клад: старые пуговицы, винные пробки, колпачки, монеты, обёртки, чей-то носок, который я считала пропавшим в стирке полгода назад, и — о ужас — три похожих друг на друга чёрных предмета.

Я вытащила всё. Три чёрных прямоугольника. Один ока-

зался колпачком от старого маркера. Второй — обломком пластиковой игрушки. А третий...

— Флешка! — выдохнула я, хватая её.

Я повертела находку в руках. Корпус был поцарапан кошачьими зубами, на нём виднелись характерные следы клыков — Персик явно пытался эту флешку то ли разгрызть, то ли распробовать. Но внешне она казалась целой. Я прижала её к груди.

— Слава богу. Цела. Кажется, целая.

Персик, сидевший рядом и наблюдавший за раскопками, мявкнул и потёрся о мою руку. Мол, чего паникуешь, хозяйка, я её для тебя сохранил, в надёжном месте. Я не знала, то ли расцеловать рыжего, то ли отшлёпать.

— Ах ты, рыжий разбойник! — я сгребла кота в охапку. — Ты хоть понимаешь, что чуть не сожрал важнейшую улику? Что эта штука стоит дороже всего твоего премиального корма за три года?

Персик невозмутимо заурчал.

Светка хохотала, держась за стену.

— Ой, не могу! Главный свидетель — кот. Вещдок добыл кот. Чуть не уничтожил вещдок — тоже кот. Таська, это надо в учебники по криминалистике вписывать!

Я хотела было засмеяться в ответ, но смех застрял в горле. Потому что я вставила флешку в ноутбук — проверить, читается ли. И ноутбук её не увидел. Совсем. Чёрный экран, никакой реакции, лишь сухое уведомление: «USB-устрой-

ство не распознано».

Сердце ухнуло.

— Нет-нет-нет, — забормотала я, вытаскивая и снова вставляя флешку. — Только не это. Персик, что ты с ней сделал?

Я осмотрела разъём при свете лампы. И увидела причину. Контакты были погнуты — видимо, кот, ворочая флешку зубами и лапами, повредил металлическую часть. Маленький штырёк внутри разъёма скривился набок.

— Контакты погнул, паразит, — выдохнула я. — Данные, скорее всего, целы, флешка просто не подключается из-за механического повреждения. Но без специального оборудования её не прочесть.

— Так отдадим экспертам, — пожала плечами Светка. — У наших айтишников руки золотые, они и не такое восстанавливали.

— Можно и экспертам, — кивнула я, разглядывая погнутый разъём. — Но...

И тут во мне проснулся бухгалтер. Тот самый, который одиннадцать лет имел дело с техникой, ломающимися принтерами, зависающими программами «1С» и капризными флешками, на которых хранились квартальные отчёты. Уж что-что, а реанимировать упрямую флешку я умела не хуже любого айтишника. Сколько раз приходилось спасать данные перед самой сдачей баланса!

— Дай-ка мне маникюрный набор, — велела я Светке. —

Он в ванной, на полке.

Светка принесла. Я вооружилась тонким пинцетом и, затаив дыхание, под лампой, осторожно поддела погнутый контакт. Руки, недавно дрожавшие от страха, теперь были тверды, как у хирурга. Цифры и техника — это моя стихия, здесь я чувствовала себя уверенно. Миллиметр за миллиметром я выпрямляла скривившийся штырёк, время от времени примеряя его на глаз. Персик сидел рядом и внимательно наблюдал за операцией, будто понимал, что заглаживает свою вину моральной поддержкой.

— Ну, с богом, — пробормотала я и снова вставила флешку в ноутбук.

Секунда. Две. И — победный звук подключения! На экране всплыло окошко: «Обнаружено новое устройство». Я кликнула. Папки открылись. Все файлы — таблицы, сканы, фотографии связанного Стрельникова — оказались на месте, целые и невредимые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.